

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 1. С. 3–12.

УДК 316.3

HIGH-HUME VERSUS HIGH-TECH?

Антипов Г. А.

*Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск,
Российская Федерация*

E-mail: Dr-eji2@yandex.ru

Противоречивое отношение High-Hume и High-Tech – один из характерных сюжетов в современном культурологическом контексте. Рассмотрение истории человечества как мегаистории на протяжении длительной ретроспективы демонстрирует множество глобальных кризисов, вызванных нарушением техно-гуманитарного баланса. Вопрос в том, посредством каких высоких гуманитарных технологий должны преодолеваются подобные катастрофы, каковы характеристики данных технологий. Само по себе развитие гуманитарных и социальных наук не даёт для решения этих проблем достаточных оснований.

Ключевые слова: технологии, наука, история, ценности, культура, катастрофа.

В современном культурологическом дискурсе прорисовывается тема, принимающая примерно такие очертания: утверждается, что стремительное проникновение в жизнь человека нового технологического уклада может привести к нарушению сложившегося гуманитарно-технологического баланса. И для этого вместе с усложнением процессов, происходящих в мире под флагом High-Tech, в обществе должен сформироваться запрос на технологии High-Hume, позволяющие сохранить в человеке человеческое.

В первом приближении можно подумать, что налицо реинкарнация проблемы, сформулированной ещё в середине XX века Чарльзом Сноу в его эссе «Две культуры». Вот что он там писал: «Мне кажется, что духовный мир западной интеллигенции всё явственнее поляризуется, всё явственнее раскалывается на две противоположные части. Говоря о духовном мире, я в значительной мере включаю в него и нашу практическую деятельность, так как отношусь к тем, кто убеждён, что, по существу, эти стороны жизни нераздельны... На одном полюсе – художественная интеллигенция, на другом – учёные, и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодёжи – даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, непонимание. У обеих групп странное, извращённое представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций» [1, с. 19–20]. Невольно вспоминаются строки

Бориса Слуцкого: «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне. Дело не в простом просчёте, дело в мировом законе...»

На самом деле, конечно, непосредственной коммуникации между констатациями Сноу и темой отношения High-Tech к High-Hume нет. Но есть, полагаю, определённое отношение между данными мирами, в котором могут иметь и имеют место разные степени напряжения. Последнее обусловлено фундаментальными и различными особенностями данных миров. И без выхода в план этих различий тема нарушений гуманитарно-технологического баланса вряд ли будет удовлетворительно отрефлексирована. Отсутствие обращения к данному гносеологическому пространству – явный недостаток. Имеется в виду, прежде всего, понимание смысла того, что именуется «высокими гуманитарными технологиями».

Вообще технологиями можно считать любые совокупности методов и методик, ориентированных на изменения некоторого материала в соответствии с определёнными задачами. Технологическая – или инженерная – задача всегда заключается в том, чтобы изменить некоторый материал соответственно задаваемым свойствам. Собственно же научные задачи сводятся к выявлению свойств материала, присущих ему самому, независимо от человеческих потребностей. В этом и заключается основное различие между любыми формами собственно научного знания и «техническими науками». Соответствующим образом выстраивается отношение между наукой и инженерией. Знание свойств материала, присущих ему самому, необходимо для успешного решения тех задач по изменению данного материала, которые вырастают из человеческих потребностей. Объективные свойства реальности задают границы возможных её изменений с точки зрения человеческих потребностей. Так дело обстоит в общем случае. Но как быть в ситуации, когда речь идёт о «материале» человеческой, неприродной реальности и её свойствах?

Действительно, эти свойства даны познающему субъекту иным, нежели естествоиспытателю, образом. Они «не даны в ощущениях, существуя независимо от них». Но в таком случае радикально иные характеристики должны приобретать любые формы технологий High-Hume, поскольку очевидным образом всякие технологические схемы определяются именно свойствами преобразовываемого ими материала. Существующие же квалификации High-Hume с данным требованием едва ли соотносимы: сразу же бросается в глаза крайняя гносеологическая пестрота предлагаемых конкретизаций. Обычно к High-Hume относят философию, гуманитарные науки, религию, искусство во всех проявлениях (одежда, дизайн, музыка и проч.), а также широкий спектр всевозможных гуманитарных ноу-хау (методик преподавания, маркетинг, общения и проч.). Сюда же относят возникшие в глубокой древности методики «нематериального» воздействия на массовое сознание.

В русле обозначенной выше темы преодоления возможных нарушений гуманитарно-технологического баланса, насколько можно судить, вопрос подобным образом не обсуждается. Общая перспектива может рисоваться здесь, допустим, так: сознание, успешнее сделавшись планетарным фактором, способно перерасти в

фактор космологический и, что решающим препятствием для этого могут стать не пределы управляемости масс-энергетического мира, а самоубийственная неготовность разума совладать с растущим инструментальным могуществом.

Сегодня, как видно, коллизия «двух культур» переводится в план «высоких технологий». Меняется весь контекст толкования их взаимоотношений. Говорят, стремительное проникновение в жизнь человека нового технологического уклада может привести к нарушению сложившегося баланса, что, «как показывает история», неизбежно приводит к катастрофе. Утверждают, что согласно расчётам на протяжении миллиардов лет природа и затем общество развивались по определённым векторам в режиме последовательного ускорения, а периоды между фазовыми переходами биосферной, прасоциальной и социальной эволюциями сокращались в соответствии со строгим логарифмическим законом. При экстраполяции полученной функции выходит, что около середины XXI века скорость глобальных изменений должна устремиться к бесконечности, а промежуток между фазовыми переходами к нулю. Необходимо построить новый баланс. И для этого вместе с усложнением процессов, происходящих в мире под флагом High-Tech, в обществе и должен сформироваться «запрос на технологии High-Hume, позволяющие сохранить в человеке “человеческое”» [2].

Говорят, общие механизмы социальной эволюции, в векторе которых и появляются алармистские рассуждения о нарушении техно-гуманитарного баланса и необходимости совладать с растущим инструментальным могуществом, таковы: технологический прогресс, с одной стороны, повышает внешнюю устойчивость общества, с другой – способствует укреплению иллюзий о всемогуществе разума, что в конечном итоге ведёт к антропным кризисам.

Рассмотрение истории человечества как мегаистории на протяжении длительной ретроспективы демонстрирует множество глобальных кризисов и катастроф, инициированных собственной деятельностью людей. Но и «задолго до появления людей активность живого вещества провоцировала глобальные катастрофы, в результате которых погибли более 99 % существовавших на Земле видов. Вместе с тем каждый раз в биосфере, а затем в антропосфере происходили неординарные трансформации, обеспечивавшие восстановление динамической устойчивости» [2, с. 20].

Череду подобных кризисов можно начинать с «момента», когда у далёких предков человека было резко нарушено, благодаря изобретению искусственного оружия, характерное для животных равновесие между сравнительно слабым торможением агрессии и столь же слабыми возможностями убийства. Двигаясь же по линии эволюции рода Homo, от Олдовайского ущелья до Кремниевой долины, можно выявить множество нарушений гуманитарно-технологического баланса и связанных с ними кризисных состояний человеческих сообществ.

Поскольку же эти многочисленные кризисы были так или иначе преодолены, делается предположение, что «гоминиды выработали эффективный механизм, который компенсировал рост разрушительной мощи технологий и который до сих пор был недостаточно изучен антропологами, социологами и психологами» [2, с. 25]. И, говорят, если эти механизмы воспроизводства социальной устойчивости

не будут изучены и поняты, дальнейшее существование планетарной цивилизации окажется под вопросом. Что же касается общей задачи восстановления баланса между развитием высоких технологий и состоянием «всего человеческого» сегодня, то основным средством здесь полагают гуманитарные науки, констатируя в то же время их кризисное состояние на сегодня. Причина в том, что доминирующим трендом познания было развитие естествознания и технических наук. Что же касается процессов адаптации к изменениям техносферы, то в целом они носили до последнего времени стихийный характер, но требование ситуации – в переориентации их в векторе целенаправленной специализации.

Но если «веление времени» толковать подобным образом, сразу же должны обратить на себя внимание две фундаментальные трудности, без методологической интерпретации которых продуктивное движение в указанном направлении не представляется возможным. И дело вовсе не в «кризисном состоянии гуманитарных наук». Объективные свойства реальности задают границы возможных её изменений с точки зрения человеческих потребностей. Как уже отмечалось, в аспекте технологических задач характер преобразуемого материала, его свойства задают границы возможных его изменений с точки зрения человеческих потребностей.

«Материалом» для High-Hume выступают общественные отношения, радикально отличающиеся по своим свойствам от «отношения вещей». У Канта данное различие выражалось в виде антиномии свободы и необходимости (третьей кантовской антиномии). Человек, являясь природным существом, подчиняется законам природы, и с этой точки зрения антропология должна формироваться по образцам естествознания. «Какие бы понятия мы не составили себе с метафизической точки зрения о свободе воли, – писал он, – необходимо, однако, признать, что проявления воли, человеческие поступки, подобно всякому явлению природы, определяются общими законами природы» [3, с. 7]. Подобно частицам вещества в первоначальной туманности, образующим под воздействием сил притяжения и отталкивания солнечную систему, люди в «бессмысленном ходе» своих дел реализуют некий «план природы», который и остаётся только открыть. Ведь породила же природа «Кеплера, подчинившего неожиданным образом эксцентрические орбиты планет определённым законам, и Ньютона, объяснившего эти законы общей естественной природой» [3, с. 8].

Соответственно этой методологической установке Кант формировал дисциплинарную матрицу науки, впоследствии квалифицированной в качестве демографии. Она мыслилась Кантом как сугубо естественно-научная дисциплина. Хотя в стилистике своего времени, по названию, он толковал её как «историю». Кант писал: «История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в совокупности, то могла бы открыть закономерный ход, и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков. Так, браки, обусловленные ими рождения и смерти, на которые свободная воля человека имеет столь большое влияние, кажутся не

подчинёнными никакому правилу, на основании которого можно было бы наперёд математически определить их число. Между тем ежегодные данные о них в больших странах показывают, что они также происходят согласно постоянным законам природы, как те столь изменчивые колебания погоды, которые в единичных случаях нельзя заранее определить, но которые в общем непрерывно и равномерно поддерживают произрастание злаков, течение рек и другие устройства природы» [3, с. 7].

Но и в мире свободы человеческой воли присутствуют детерминанты объективного порядка. Правда, речь должна идти об объективности особого рода. Это независимость данных детерминант от отдельно взятой человеческой воли, однако являющихся характеристиками тоже «волевой» сущности. Это у Канта – императивы: гипотетический и категорический. В определённом смысле категорический императив можно посчитать аналогом закона всемирного тяготения применительно к миру свободы: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом». Императивы Канта, невидимая рука рынка Адама Смита, объективная идея Гегеля, Третий мир Поппера в онтологическом смысле являются феноменами существования и функционирования культурных форм. В самом общем, предельно общем подходе – это идеалы, ценности и нормы, основные категории социологии как науки.

Вторая существенная особенность всякой High-Hume, учитывая общую технологическую модель, и это связано, конечно, с вышеизложенным, адресуется к вопросу о законах социума, их действии и путях познания. Ведь аспект технологии предполагает целенаправленные изменения некоторой реальности, опирающиеся на учёт объективных характеристик данной реальности, в конечном счёте законов, которым она подчиняется.

Впервые тема «законов» применительно к контексту гуманитарии была поднята неокантианцами баденской школы. Как известно, эта школа придавала большое значение борьбе против универсализации гносеологического опыта естествознания, или «натурализма». Радикальное средство такой борьбы видели тем не менее в отстаивании статуса научности историографии.

Историография, будучи по своей гносеологической сущности наукой, кардинально отлична от естественно-научных дисциплин – таково главное утверждение Риккерта. С этих позиций Риккерт полемизирует со всеми, кто подобно, например, Миллю постулировал несоответствие историографии идеалам научности и в использовании естественно-научных методов видел средство подъёма её на ступень научности [4].

Выделяет исторические науки в особую гносеологическую категорию способ «образования понятий». Он заключается в индивидуализации, индивидуализирующей репрезентации действительности. В противоположность этому естествознание идёт путём генерализации: действительность рассматривается с точки зрения общего, повторяющегося, свойственного множествам феноменов. Исследуемые феномены выступают как экземпляры общего родового понятия, «которые всегда могут быть заменены другими экземплярами того же понятия» [4, с. 19]. Ориентация в познавательной деятельности на индивидуальное,

неповторимое в языке выражается тем, что познаваемый предмет обозначается не «родовым» понятием, а именем собственным.

Общей констатацией, характеризующей историческое исследование у неокантианцев, выступает «отнесение к ценностям». Ценности детерминируют направленность познавательного интереса, набор параметров, по которым характеризуется теоретически осваиваемая действительность, их иерархию и т. д.

С момента её появления неокантианская теория исторического познания была воспринята марксистской критикой как реакция на материалистическое понимание истории, как форма отрицания объективных законов исторического процесса.

С иных оснований ведётся критика неокантианской версии историографии Б. Малиновским: «Банальное различие номотетических и идиографических дисциплин есть философское заблуждение, которое давным-давно должно было исчезнуть, если бы просто рассмотрели, что это значит – наблюдать, реконструировать или утверждать исторический факт. Суть дела состоит в том, что большая часть принципов, обобщений имплицитно содержится в реконструкциях историка, и они по своей природе скорее интуитивные, нежели систематические. Типичный историк и многие антропологи затрачивают большую часть своей творческой работы и эпистемологического досуга на то, чтобы опровергать понятие научного закона в культурном процессе, возводить непроницаемые перегородки между гуманизмом и наукой и утверждать, что историк или антрополог могут «вызвать» к жизни прошлое посредством некоего особого проникновения, некоторой интуиции или откровения, короче говоря, что он может полагаться на божью благодать, а не на методическую и кропотливую систему работы» [5, с. 117].

Полагаю, все противоречивые хитросплетения предлагаемых позиций могут быть развязаны обращением к контексту и гносеологической сущности High-Hume. И первое, что следует отметить и что отсутствует во всех интерпретациях, – различие двух «историй»: истории как памяти и истории как науки. Данные феномены культуры и функционируют, и изменяются в разных векторах, в результате действия разных гносеологических механизмов. Опять-таки у Бориса Слуцкого есть строки, очень определённо адресующие к данному различию, к особенностям в данном случае исторической памяти: «Уменье памяти сопряжено / с умением забвенья, / и зерно / в амбарах памяти должно / не переполнить кубатуру сдуру. / Забвенье тоже создаёт культуру».

Существенно в первую очередь то, что содержанием памяти являются не понятия, а представления. Согласно общему определению, представление – процесс и результат мысленного воссоздания образов предметов и явлений, которые в данный момент не воздействуют на органы чувств человека. В основе представления лежит восприятие объектов, имевшее место в прошлом. Для индивида физиологическую основу представлений составляют «следы» в коре больших полушарий головного мозга, остающиеся после реальных возбуждений центральной нервной системы при восприятии. Для исторической памяти как формы культуры аналогом упомянутых следов выступают исторические источники. Характерно, что дна из распространённых дефиниций источника трактует его как «след», оставленный прошлым. Исторический источник (гносеологически) – это

онтологический памятник исторического прошлого, который несёт на себе печать своего времени, который отражает действительность через призму жизненных интересов людей, создавших этот памятник.

Историография начинается в векторе исторической памяти. Так понимал её уже «отец» истории: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Продуктом работы такого «первоначального» историка является нарратив, историческое описание. Оно – результат процедуры, адекватным определением которой следует считать понятие реконструкции. Это не познавательная процедура в собственном смысле, а в общем подходе – род практики (мемориальная практика), *techné*, как говорили греки.

О технологии High-Hume говорить здесь ещё нет оснований, поскольку создание образов прошлого не предполагало неких принципов, приёмов, принятых всем сообществом. Прошлое реконструировалось на основании здравого смысла и ценностных установок историка-практика, оставаясь в пределах его произвола. Впервые такие установки были сформулированы в XIX веке. Одна из них принадлежит немецкому историку этого времени Леопольду фон Ранке: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Её задача – лишь показать, как всё происходило на самом деле (*wie es eigentlich gewesen*)» [6]. Данное требование приложимо исключительно к формированию нарратива, аналогом которого в науке выступает научное описание. Последнее же предполагает наличие теории, которая становится основанием расчленения и интерпретации эмпирического материала. В мемориальной практике на этом месте, как справедливо полагал Риккерт, присутствует «отнесение к ценностям».

Нужно сказать, Риккерт не вполне корректно в логическом плане разграничивает номотетические и идеографические науки. Первые ориентированы на образование общих понятий, вторые – на индивидуальное. Но если речь идёт о «понятиях», формирование которых есть результат процедуры абстрагирования, то альтернативная по направленности ему есть процедура конкретизации. Говоря здесь об индивидуальном, Риккерт привносит в собственно логический план онтологию.

Другой установкой, следование которой превращает просто мемориальную практику в High-Hume, радикально отличающую её от деятельности первоначального историка, является деятельность источниковеда, превращающего исторический памятник (остаток) в исторический источник, основное средство исторического познания. Поскольку исторический памятник всегда есть феномен, полученный вне и независимо от задач, которые ставит перед собой историк, возникает необходимость в особой, промежуточной деятельности, основная цель которой – установить связи и отношения исторического остатка с действительностью исторического прошлого. Это и есть область работы источниковеда. Исторический источник, по сути дела, – продукт деятельности

источниковеда. Работа источниковеда обычно характеризуется в историографии как «критика» и «интерпретация» источников.

Кстати, известно, что в современном источниковедении довольно широко используются естественно-научные методы исследования: радиоуглеродный, дендрохронологический и др., что явно относится к области High-Tech. Но, применяя эти методы, историк в то же время не рассматривает их как однопорядковые, собственно источниковедческие. С его точки зрения, естественно-научные методы дают лишь некоторые промежуточные результаты, которые должны быть ещё ассимилированы с позиций историка. Скажем, он может рассуждать так: «Нужно ещё раз напомнить, что радиоуглеродные лаборатории определяют даты, точнее, интервал времени в абсолютном измерении, когда прекратился обменный цикл, т. е. прекратилась жизнь данного образца растения или животного. А какова связь того образца с археологическим памятником, принадлежит ли образец ко времени памятника, связан ли он с комплексом явлений, дату которых мы хотим определить, это должен решить археолог» [7, с. 10].

Можно теперь сказать, что источниковедческая практика становится High-Nume с момента, когда формируются методы, «технологические» схемы «критики» и «интерпретации» источника. Формируется особая методическая дисциплина – источниковедение, функция которой и заключается в разработке таковых. Соответственно выделяются позиции источниковеда-практика, продуцирующего исторические источники, и источниковеда-методиста, разрабатывающего методики источниковедческого анализа. Однако, если отталкиваться от общей модели взаимосвязей науки и практики, здесь не хватает ещё одной позиции – позиции источниковеда-учёного, для которого исторический источник есть объект исследования. Ведь вообще в структуре современной науки различаются научно-методические и собственно научные дисциплины. А как быть с источниковедением?

Исходя из сказанного, правомерно говорить о гносеологически особом виде исторических наук, об источниковедении как собственно научной дисциплине. Исследуемой реальностью здесь становится не процесс общественного развития в целом, а определённый набор его подсистем. Любой исторический памятник, с которым сталкивается историк, всегда представляет собой проявление функционирования одной из таких подсистем (придающих памятнику конкретную определённость), например, захоронение – погребальный обычай, документ – делопроизводство и т. п. Поэтому, описывая конкретный памятник, историк получает как бы срез соответствующей подсистемы. Отсюда следует, что историку, описывающему достаточно большое число памятников, относящихся к одной и той же подсистеме культуры, нет необходимости каждый раз давать и характеристику данной подсистемы. Но тем самым создаются предпосылки для перехода от описания каждого памятника к исследованию строения соответствующей подсистемы. Такой может оказаться логика формирования наук типа нумизматики, ономастики и т. п., тем более что подобную траекторию развития науки можно увидеть во многих естественно-научных дисциплинах.

Соответственно, если вектор научного познания ориентирован на объективную реальность второго рода, мы имеем дело с социальными науками в собственно

смысле. Конкретнее, речь должна идти о социальных институтах. Тогда технологии, социальная инженерия – суть изменения, перестройки данных институтов, учитывая научно познанные свойства их. Но наряду с этим здесь представлен ещё один познавательный вектор, в принципе отсутствующий в естествознании и дающий основания быть отнесённым к собственно гуманитарии. Это аналитика (используя аналогию) «вещей для нас», то есть того, как субъективно воспринимаются индивидом те или иные институциональные формы, ибо именно их восприятием люди руководствуются в своей жизнедеятельности. Поэтому основной эмпирической процедурой теперь уже гуманитарных наук становится процедура понимания. Соответственно будут различаться «нормальная социология» и «феноменологическая социология», «нормальная психология» и феноменологический её вариант. Если «нормальные» науки о человеке задают необходимые предпосылки для социальной инженерии, то феноменологические их варианты – для социальных практик. Подобное только и позволяет относить к сфере гуманитарных технологий религию, искусство и т. п.

Источниковедение в приведённых выше рассуждениях – типичная форма гуманитарного знания. Что же касается невразумительности всей ситуации с High-Hume, думается, она не может быть преодолена без интерпретации общего гносеологического статуса «гуманитарных технологий», имея в виду учёт видимых уже в первом приближении различий, включаемых в их контекст компонентов. Таковыми являются: практики, технологические (методические) дисциплины, надстраиваемые над ними, наконец, верхний этаж данной структуры – формы собственно научного знания. Лишь при этом условии появляются основания говорить о высоких гуманитарных технологиях.

Список литературы

1. Сноу Ч. П. Две культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 146 с.
2. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 440 с.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. В 6-т. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
4. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры (фрагменты) // Вопросы философии. – 1983. – № 2.
6. Ранке Леопольд фон [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранке,_Леопольд_фон.
7. Колчин Б. А. Археология и естественные науки // Археология и естественные науки. – М.: Наука, 1965. – 347 с.

Antipov G. A. High-Hume Versus High-Tech? // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 3–12.

The contradictory relationship between High-Hume & High-Tech is one of the significant topics in contemporary cultural context. Consideration of the history of humankind as mega-history in long run exhibits many global crises caused by the violation of techno-humanitarian balance. The question is, which humanitarian technologies are needed in order to overcome such catastrophes, what are the characteristics of these technologies. Taken as such the development of humanities and social sciences does not provide sufficient ground for the solutions to these problems.

Keywords: technology, science, history, values, culture, catastrophe.

References

1. Snou Ch. P. Dve kul'tury [Two Cultures]. Moscow, Progress Publ., 1973, 146 p.
2. Nazaretjan A. P. Nelinejnoe budushhee. Megaistoricheskie, sinergeticheskie i kul'turno-psihologicheskie predposylki global'nogo prognozirovanija [Non-linear Future. Megahistorical, Synergetic and Cultural-Psychological Premises of Global Prognosing]. Moscow, Institut vostokovedenija RAN [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2013, 440 p.
3. Kant I. Ideja vseobshhej istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [The Idea of General History in the World-Civil Course]. Essays in 6 volumes. Vol. 6. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 743 p.
4. Rikkert G. Granicy estestvennonauchnogo obrazovanija ponjatij [Measures of Natural Scientific Notion Formation]. Spb., 1997, 532 p.
5. Malinovskij B. Nauchnaja teorija kul'tury (fragmenty) [The Scientific Theory of Culture]. Voprosy filosofii, 1983, no. 2.
6. Ranke Leopold fon. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранке,_Леопольд_фон.
7. Kolchin B. A. Arheologija i estestvennye nauki [Archeology and Natural Sciences]. Arheologija i Estestvennye Nauki. Moscow, Nauka Publ., 1965, 347 p.